

КУИВ МАКДОННЕЛЛ

ЧЕЛОВЕК
ОДНИМ
ИЗ
МНОГИХ
ЛИЦ

ДУБЛИНСКАЯ СЕРИЯ

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

детектив

МИ∞

МИФ Проза

Куив Макдоннелл

Человек с одним из многих лиц

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Ирл)6-49

Макдоннелл К.

Человек с одним из многих лиц / К. Макдоннелл — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2016 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195019-6

«Одна из самых смешных криминальных книг, которую вы прочитаете». The Express Главный герой Пол Малкроун по просьбе сердобольного персонала дома престарелых приходит к клиентам, теряющим память, чтобы изобразить их родственников. У него настолько «обычное» лицо, что люди признают в нем своего, даже если ждали в качестве визитера любимую бабушку. В первый раз его попытались убить случайно. Во второй – уже намеренно. Теперь Пол Малкроун в бегах, и ему не поможет никто, кроме медсестры, начитавшейся криминальных романов, и полицейского-отщепенца, склонного к насилию. Вместе они раскроют одно из самых печально знаменитых преступлений в истории Ирландии... или сами станут историей. Для кого эта книга Для читателей современных зарубежных детективов, а также комедий и юмористической фантастики и фэнтези. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Ирл)6-49

ISBN 978-5-00-195019-6

© Макдоннелл К., 2016
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2016

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Куив Макдоннелл

Человек с одним из многих лиц

Caimh McDonnell

A MAN WITH ONE OF THOSE FACES

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© 2016 by McFori Ink

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2022

* * *

Глава первая

– Ты помнишь Алана из Клэра, одного из кузенов твоего отца?

– А должен?

– Конечно! Две собаки, один глаз, ни разу не был женат... Он приезжал к нам пару раз, когда ты был маленьким.

– Ну да...

– Умер! Скончался от инфаркта, упокой, Господи, его душу. Я прочитала в газете на прошлой неделе.

Прежде Пол не замечал, до чего холодны руки пожилых. Но когда хрупкие пальцы его потрогали, словно желая убедиться в том, что он действительно существует, он не смог не обратить на это внимания. Честно говоря, теперь ему было трудно думать о чем-то еще.

– Сердечный приступ случился, когда он принимал ванну, – продолжила она. – Думаю, дело в этих модных солях для ванн. Кто знает, чего они туда подсыпают...

Пол кивнул, выразив малую толику согласия, необходимого ей, чтобы не застрять в той мысленной колее, в которой бродило ее сознание.

Но разве не трупы должны холодеть? В детстве Барри Доддс рассказал ему, что однажды на поминках уронил на себя тело своей бабушки, и это было все равно что оказаться погребенным под дюжиной замороженных индеек. Между прочим, он еще говорил Полу, что трогать женскую грудь – это как щупать жареную курицу. Очевидно, парень был одержим домашней птицей...

– Такой молодой... Ему ведь было всего...

Маргарет умолкла и стала смотреть в потолок, пытаясь сложить сумму, для которой у нее явно не доставало цифр.

Интересно, дети действительно очень теплые? Возможно, мы начинаем жить в виде крошечного инферно из кипящей энергии и со временем остываем до температуры трупа?

Размышления Пола о детях были чисто умозрительными. Несмотря на двадцать восемь прожитых лет, ему еще не доводилось держать их в руках.

Уже в который раз пластинку в голове Маргарет заело.

– Я беседовала с женщиной из Данбойна, что лежит в соседней палате. Она сказала, что Дублином теперь управляют Триады.

– Неужели?

– Об этом писали в «Геральд», – доверительно сообщила Маргарет. – В наше время от китайцев проходу нет! Я вообще не понимаю, что происходит. Ты бы не выходил из дома по вечерам.

– Я слышал, многие из них носят мечи.

– Seriously?!

– Ага. Они обожают рубить головы и всякое такое...

Он уже собрался проиллюстрировать свои слова пантомимой, как вдруг за спиной раздалось многозначительное покашливание. И ведь что характерно: сорок пять минут кивания и вежливых хмыканий, но как только речь зашла об обезглавливании – сестра Бриджит тут как тут. Она стояла у дверного косяка, скрестив руки, и смотрела на него осуждающим взглядом.

– Как у вас дела? – спросила она, войдя в палату.

– Великолепно, – ответил Пол. – Болтаем без умолку.

– Это мой Гарет, – сказала Маргарет, указав на Пола.

– Знаю, Маргарет. Мы с ним встретились, когда он заходил в больницу.

Маленькое морщинистое лицо Маргарет озарилось гордостью.

– Он адвокат, – просияла она. – Летает по всей Европе. На прошлой неделе ездил в командировку в Брюссель.

– Подумать только!

Маргарет машинально наклонилась вперед, чтобы Бриджит смогла взбить ее подушки.

– Как здорово, что он нашел время навестить бабушку, – сказала Бриджит.

– Маму, – поправил Пол.

– Да, он мой...

Старуха вдруг замолчала и недоуменно уставилась на Пола, пытаясь разглядеть его сквозь туман старости и угасающих воспоминаний. Полу показалось, что он услышал тошнотворный скрип, словно под ним затрещал лед, готовый вот-вот лопнуть.

Закончив поправлять подушки, Бриджит хлопнула в ладоши. Резкий звук отвлек Маргарет, и на ее губы вернулась улыбка. Пол слегка расслабился.

– В следующий раз, – сказала Бриджит, – пусть приходит днем, и тогда вы вместе прогуляетесь на свежем воздухе – если, конечно, физиотерапевт будет не против.

Она выразительно посмотрела на Пола, явно ожидая, что он пропустит слова мимо ушей и не клонет на приманку.

– Да, это было бы здорово, – сказал он, улыбнувшись Бриджит со своего места у кровати.

Пышная грудь медицинской сестры идеально сочеталась с сердитым выражением лица. Честно говоря, она была вполне недурна собой: на пару лет старше Пола, коротко подстриженные каштановые волосы, сносная фигура. Конечно, у нее был не «тот лик, что тысячи судов гнал в дальний путь»¹, но в очереди за продуктами она, безусловно, привлекла бы к себе внимание.

Бриджит говорила с довольно сильным сельским акцентом, но Пол, как типичный дублинец, ни за что бы не догадался, в какой местности она росла. Кроме того, ее тело излучало характерную «фермерскую силу». Нет, она не была ни толстой, ни мускулистой, скорее жесткой, что как бы намекало на способность завалить корову, если вдруг возникнет такая необходимость.

– Но сейчас довольно сыро, – робко возразила Маргарет.

Пол взглянул на Маргарет и еще раз поймал ее лучезарную улыбку.

– Да, мам, – сказал он, возвысив голос, чтобы она его расслышала. – Очень важно, чтобы ты продолжила заниматься физиотерапией, и тогда мы точно поставим тебя на ноги. А там, глядишь, и по ночным клубам пройдемся.

– О, Гарет, ты невыносим, – усмехнулась Маргарет. – Вы бы не спускали с него глаз, сестра.

– Наверное, придется...

Пол попрощался и легонько чмокнул Маргарет в лоб. Снова это холодное липкое ощущение. Против воли он вспомнил, как нюхал утром ветчину, чтобы определить ее свежесть. Кажется, несколько ближайших дней ему придется завтракать одними тостами с сыром.

Выйдя в коридор, он принялся нащупывать в кармане мобильник, как вдруг его ударили по затылку свернутым в трубочку журналом «Вуменс уикли». Не настолько сильно, чтобы причинить боль, но и на заигрывание удар не походил.

– Это еще за что? – спросил он.

– А ты догадайся.

– Спокойно! Старики обожают слегка пощекотать себе нервы.

– Легко сказать. Тебе же не приходится их успокаивать, когда они вдруг решают, что китаянка, выносящая медотходы, приторговывает наркотиками.

¹ Цитата из пьесы Кристофера Марло «Доктор Фаустус» 1604 года, приведенная в переводе Н. Н. Амосовой. *Здесь и далее прим. пер.*

– А ты уверена, что она этого не делает?

– Поверь мне, я у нее спрашивала.

– Что ж, – сказал Пол, взглянув на телефонные часы. – Прошло три часа семь минут, так что не могла бы ты расписаться в моем листе и...

Бриджит неловко переступила с ноги на ногу.

– Я хочу, чтобы ты нанес еще один визит...

– Три часа семь минут, – повторил Пол так, будто Бриджит его не расслышала. – Плюс два часа пятьдесят восемь минут визитов, которые я сделал в понедельник. Итого шесть часов пять минут. Лишних пять минут, которые вы уже получили с меня бесплатно.

Бриджит бросила на него смущенный взгляд. Пол увидел, как борется в ней вопрос, который она хотела задать, с просьбой об одолжении, в котором она нуждалась. Наконец просьба победила, и Бриджит слегка смягчила тон. Кажется, вежливость ей давалась нелегко.

– Пожалуйста, всего одно посещение. Там, наверху, в отдельной палате лежит старик...

– Был бы рад помочь, – солгал он, – но мне нужно успеть на автобус.

Про автобус он сказал правду. «Форд-Кортина» двоюродной бабушки Фиделмы, переживший Берлинскую стену, «Конкорд» и Нельсона Манделу, четыре недели назад внезапно испустил дух на скоростной трассе М50, и у него не нашлось свободных денег, чтобы вернуть его в строй. Мало того, пришлось потратить весь доход за прошлый месяц и половину заначки лишь на то, чтобы убрать сломанную машину с дороги.

– Ты так и живешь на Северной круговой? – спросила Бриджит.

– Ага.

Она сделала паузу, явно взвешивая все в уме.

– Одно посещение, и я подброшу тебя до дома. Моя смена заканчивается через час. Договорились?

Ну, это лучше, чем морозить задницу на автобусной остановке, плюс останется 3,30 евро на пополнение заначки.

– Ну хорошо, – ответил он. – Но только без этого всякого. А то я знаю вас, медсестер.

Бриджит закатила глаза.

– Постараюсь держать себя в руках.

Он вопросительно помахал сигаретами. Она скорчила одно из своих бесконечных неодобрительных выражений, но потом кивнула, приглашая следовать за собой.

Бриджит с размаху открыла пожарную дверь, и Пол прошел мимо нее на холодный ноябрьский воздух. Было достаточно свежо, чтобы захотелось надеть пальто, оставленное в комнате для персонала, но не настолько, чтобы тащиться за ним в такую даль. Он удивился, когда она вышла следом и встала рядом с ним, обхватив себя руками и переступая с ноги на ногу.

– Твою ж мать... – вздохнула она.

– Тебе не кажется странным, что не так давно в больницах разрешалось курить?

– Ага, – вздохнула Бриджит. – Добрые старые времена, когда люди просто умирали.

Вытягивая предпоследнюю сигарету, он заметил взгляд Бриджит, задержавшийся на пачке. Тогда он протянул пачку ей.

– Здесь последняя.

– Не переживай, у меня их полно.

Формально это было правдой. Полгода назад он приобрел двадцать пять пачек по двадцать сигарет у Подрига за восемьдесят евро и приучил себя выкуривать по одной сигарете в день. Он уже подумывал бросить окончательно, но в этом случае *она* победит. А он пока не был к этому готов. Тем не менее три евро тридцать центов, сэкономленные на автобусе, за вычетом шестнадцати центов за одолженную сестре Конрой сигарету всё еще позволяли ему выгадать 3,14 евро на сделке.

Бриджит прикурила сигарету, обхватив ладонями его зажигалку.

– Благодарю.

Они одновременно затаились и взглянули на свои тени, вытянувшиеся по ухоженным лужайкам хосписа под безжизненным светом люминесцентных ламп.

– Можно задать вопрос? – спросила Бриджит.

Он слегка напрягся, зная, что последует дальше.

– Ну почему люди всегда так говорят? Во-первых, ты уже спросила, а во-вторых, никто никогда не принимал «нет» в качестве ответа.

– Эй, не надо так бурно реагировать. Я просто поддерживаю разговор.

Она стряхнула пепел в водосток и еще крепче обхватила себя руками. Оба сделали по очередной затяжке, молчаливо согласившись с тем, что он повел себя как мудака.

За чугунной оградой на противоположной стороне улицы Пол заметил лису. В свете уличных фонарей она то появлялась, то исчезала на тротуаре.

Наконец он нарушил молчание:

– У меня специфическое лицо.

– Что? – не поняла Бриджит.

– Ты же это хотела спросить? Как мне удастся делать то, что я делаю?

– Да, но...

– А теперь, – перебил он, – ты скажешь, что хотела спросить не только об этом.

– Ты еще и мысли читать умеешь?

Повернувшись, Пол посмотрел ей в глаза.

– Окей. Я тебя слушаю.

– Ну да, Шерлок, ты совершенно прав. Это то, что мне хотелось узнать. Но ты не можешь обладать «специфическим лицом» – оно у каждого свое. И в твоём нет ничего особенного. Без обид.

– Ты всерьез считаешь, что, сказав «без обид», ты волшебным образом делаешь свои слова безобидными?

Впрочем, она права. В его лице не только не было ничего особенного, но даже наоборот – оно было совершенно типичным. Рост около ста восьмидесяти сантиметров², голубые глаза, каштановые волосы. Он был абсолютно заурядным человеком – в этом все и дело. Средний во всем, с самыми распространенными чертами лица. У него не было ни единой приметы, которую можно было бы назвать «особой». Каждая черточка его физиономии являла собой непревзойденный шедевр заурядности, эстетическое воплощение незапоминающейся посредственности. Но вместе они складывались в оркестр, способный воспроизвести лицевую музыку богов.

– При этом, – продолжила она, – Маргарет думает, что ты ее внук...

– Сын, – поправил Пол.

– Точно. Старый Донал, лежащий дальше по коридору, считает тебя молодым парнем его соседки. А миссис Джеймсон решила, что ты...

– Я не уверен, – перебил Пол, – но мне показалось, что она принимает меня за дворецкого.

– Честно говоря, она со всеми обращается как с прислугой. На прошлой неделе допытывалась у меня, хранится ли ее судно отдельно от остальных. Эта женщина всерьез считает, что ее дерьмо не воняет.

Пол улыбнулся. Миссис Джеймсон в самом деле проявляла великосветские замашки.

– Я хотела спросить, – сказала Бриджит, – зачем ты притворяешься тем, кем на самом деле не являешься?

Пол пожал плечами.

² Английская система мер и весов переведена в международную систему единиц.

– Наверное, так проще, – он несколько не лукавил: пусть это и не вся правда, но он ответил честно. – Пациенты, к которым приглашает меня больница, уже старые, с мерцающим сознанием. Ты видела, на что это похоже, когда люди навещают родственников, страдающих деменцией или чем-то таким?

– Это нелегко, – кивнула Бриджит. – Им приходится беседовать с родным человеком, который их не узнает. Душераздирающее зрелище. Со временем визиты к таким пациентам становятся все реже, поскольку от них одно расстройство.

– Именно. Старики помнят достаточно, чтобы заключить, кто перед ними. Поэтому, когда я вхожу и говорю «привет»...

– Ты просто притворяешься кем угодно?

– Нет. Я просто соглашаюсь с тем, что они решают для себя сами.

– Но ты же другой человек.

– Знаю, но это не так уж сложно. Как поживает тот-то и тот-то? Неплохо. А эта – как-ее-там-с-радикулитом – еще жива? Вполне. Большую часть времени они с удовольствием говорят о своем, просто радуясь самой возможности поболтать. Если хочешь знать святую правду, у большинства людей всегда есть что сказать, но не так много того, что им хочется услышать.

Конечно, официально администрация больницы не одобряла такую деятельность, но вынужденно закрывала на нее глаза. Это, конечно, печально, но ощущение того, что одной ногой они еще стоят в прошлой жизни, делало пациентов счастливее, а значит (как иногда цинично думал Пол), и более управляемыми. К тому же для больницы его услуги ничего не стоили, а значит, были несопоставимо дешевле наркотиков.

Пол снова затянулся сигаретой, наслаждаясь ее контрафактным вкусом. Выдохнув и посмотрев через лужайку, он увидел, как лиса внимательно наблюдает за ним, вытягивая недо-еденный сэндвич из урны возле газетных киосков. Лиса не походила на запуганное животное, готовое в любой момент дать стрекача. Это была дублинская лиса, чей взгляд как бы говорил: «Еда теперь моя. Попробуй ее отнять».

– Итак, – сказала Бриджит, – как ты докатился до того, что стал бабушкиным шептуном?

В последнее время его часто обзывали обидными прозвищами за его занятие. Но это, без сомнения, было самым милым.

– Несколько лет назад одна женщина... которая обо мне заботилась... – Полу не хотелось вдаваться в подробности, – ...серьезно заболела и попала в больницу Святой Екатерины. Она оказалась в одной из тех палат, ну... из которых есть лишь один выход.

Бриджит кивнула.

– Я довольно часто навещал ее, и однажды одна из соседок по палате – женщина в поздней стадии Альцгеймера – приняла меня за своего брата, уехавшего в Америку. Было понятно, что он уже никогда не вернется, но она хотела ему что-то рассказать. И тогда я...

– Прodelал свой трюк, – перебила Бриджит.

– Это не трюк!

Вздвогнув от внезапного гнева Пола, Бриджит умиротворяюще подняла руки.

– Извини.

– Меня попросили помочь, и я помог.

– А потом твоя слава распространилась по всей стране и...

– Типа того.

На самом деле ничего подобного, но ему не хотелось сейчас об этом говорить. На нем лежало обязательство шесть часов в неделю заниматься благотворительностью, поэтому дежурная медсестра по его просьбе сделала несколько нужных звонков. В конце концов, посещение пациентов – это работа в помещении и без подъема тяжестей.

Пол взглянул на Бриджит. Ее глаза, обращенные к затянутому тучами небу, явно перебирали целый список пунктов. Сестра была из тех, кто любит задавать дополнительные вопросы.

– А зачем ты отмечаешься в регистрационных листах? – спросила Бриджит. – Ты на условно-досрочном или приговорен к общественным работам? Что-то в этом роде?

– Нет, – ответил он, слегка поежившись от собственного голоса, в котором прорезались оборонительные нотки. – Меня даже ни разу не арестовывали, – солгал он. – Я просто люблю заниматься благотворительностью.

– И с каких это пор благотворители требуют расписываться в листах, подтверждающих, что они посещают больницу шесть часов в неделю?

Вместо ответа Пол бросил окурок в решетку водостока и вытащил из заднего кармана телефон.

– Нам лучше поторопиться, если ты хочешь, чтобы я навестил того старика.

– Да, конечно, – ответила Бриджит, слегка смущенная тем, что переступила черту.

Бросив сигарету, она затушила ее ногой, одновременно убрав волосы за ухо.

Пол посмотрел через дорогу. Лиса внимательно обнюхала добытый ею сэндвич, но вместо того чтобы съесть, подняла лапу и обдала его мочой. Животная экспертиза показала, что питаться этим нельзя.

Глава вторая

– Ты вообще меня слушаешь?

– Конечно.

Честно говоря, Пол не слушал.

Поначалу он пытался вникнуть в суть просьбы, но потом начал размышлять о дезинфекции. Почему в больницах так сильно воняет? Даже от медперсонала разит этой дрянью. По заплаканным людям в коридоре невозможно понять – то ли их дедушка отбросил коньки, то ли от мерзких паров у них просто слезятся глаза.

Бриджит остановилась перед одной из отдельных палат так резко, что пластиковые подошвы скрипнули по кафельному полу.

– Значит... – Пол небрежно указал на дверь. – Она здесь?

– Он! – ответила Бриджит. – Здесь *он*.

– Я знаю. Я имел в виду палату. Палаты женского рода, как всем известно.

– Вот жопа.

– Тоже женского. А твоя, должен заметить...

– Заткнись, – перебила она. – Итак, повторяю для тех, кто не слушал: этот джентльмен поступил к нам три недели назад, и с тех пор никто его ни разу не посетил.

– А он кого-то ждет? Родственников? Друзей?

– Без понятия, но он три-четыре раза в день спрашивает, не приходил ли кто к нему.

– Понятно, – ответил Пол. – Напомни, как его зовут?

Бриджит закатила глаза.

– Мартин Браун. Большую часть времени проводит под кайфом, но иногда очухивается. Характер у него далеко не мармелад. Вчера довел до истерики одну из наших практиканток.

– Здорово! – ответил Пол. – Звучит потрясающе.

Бриджит положила руку ему на плечо и понизила голос:

– Слушай, он, конечно, невыносим как заноза в заднице, но это ненадолго. Он насквозь изъеден раком. Насколько мне известно, он три года игнорировал все рекомендации и схемы лечения и теперь вернулся из Америки, чтобы умереть. Он совсем один – пытается примириться с неизбежным. Так что... ну, ты понимаешь...

Пол глубоко вдохнул, ощутив во рту привкус антисептика, и выдохнул.

– Ладно. Давай уже начинать...

Бриджит постучала в дверь и тут же ее открыла. Войдя внутрь, Пол услышал судорожный вдох из кислородной маски, после чего раздался низкий скрипучий голос:

– Ёб твою мать, это называется... – вдох. – ...стучаться? А если бы я дро...

– Я бы успокоила его ложкой. Нас учили этому на курсах медсестер.

– Ебучая п...

Пол расслышал еще несколько возмущенных вдохов.

– Ну-ну, мистер Браун, – сказала Бриджит, – давайте не будем тратить кислород, доказывая, что рыцарей больше не существует. К вам посетитель.

Пол медленно вошел в палату. Здесь было все, чему полагалось быть в современной больницы палате – чистой, аккуратной и бездушной. В дальнем углу напротив кровати стоял телевизор, беззвучно демонстрировавший повтор ситкома, который никого не заинтересовал даже при первом показе. Единственным подобием украшения в палате являлась картина с изображением Девы Марии, висевшая на противоположной от двери стене. Ее губы были поджаты, а голова наклонена, словно она испытывала искреннее беспокойство. Иисус, возможно, и умер за наши грехи, но только его мать готова выслушивать все наши оправдания.

Несмотря на тусклое освещение, Пол сразу понял, что болезненная фигура, полулежавшая на кровати, недолго протянет в этом мире. Для этого даже не требовалось быть доктором. Старик выглядел как бывший здоровяк, из которого выпустили весь воздух. Бледная рыхлая плоть обвисла так, словно на скелет надели костюм из кожи на несколько размеров больше. Куча проводов и трубок соединяла старика со множеством аппаратов вокруг кровати, созданных облегчать боль и продлевать страдания. Сколько ему лет, понять было сложно. Он достиг того этапа, когда время измеряется не числом отмеченных дней рождения, а днями или даже часами, оставшимися до конца. Худая рука старика поднесла к лицу кислородную маску. Он впился взглядом в Пола и сделал неглубокий вдох. Во всем мире не нашлось бы достаточно антисептика, чтобы изгнать из этой палаты запах близкой смерти.

Бриджит взяла поднос с нетронутой едой, стоявший на столике возле кровати.

– Проваливай, – сипло прошептал Браун.

Пол уже готов был развернуться на каблуках, когда вдруг понял, что последнее замечание адресовалось не ему.

Бриджит перевела взгляд с одного лица на другое.

– Ладно, мальчики, оставляю вас наедине. Уверена, вам есть о чем поболтать.

Она сложила столик и аккуратно поставила его возле кровати, прежде чем направиться с подносом к двери. Выходя из палаты, Бриджит стрельнула в Пола взглядом: «Развлекайся».

Пол подождал, пока закроется дверь. Залитая дождем автобусная остановка вдруг показалась ему не таким уж плохим местом для вечернего времяпрепровождения. От вида этого человека возникал нестерпимый зуд под кожей. Он повидал немало людей, близких к смерти, но этот случай не походил ни на один из прочих. Сейчас все было по-другому. Он не понимал, в чем дело, – просто чувствовал, что здесь что-то не так.

Довольно долго они смотрели друг на друга. Пол хотел дать Брауну время решить... решить за них обоих, кем является Пол... Интересно, он когда-нибудь заговорит? А вдруг он уже умер? Такое вообще бывает, чтобы кто-то умер, не шелохнувшись, с распахнутыми на сердитой посмертной маске глазами? Неужели жизнь настолько бинарна, что можно просто молча щелкнуть выключателем?..

Браун судорожно вздохнул и снова поднес к лицу кислородную маску. Нет, пока еще живой...

Пол вынужденно заговорил первым.

– Ну, как себя чувствуешь?..

– Я знал, что ты придеешь, – перебил старик с такой обреченной простотой, словно Пол олицетворял собой неминуемый счет на оплату налогов.

– Просто захотелось узнать, как у тебя дела.

– Какое, блядь, одолжение!

Он махнул свободной рукой в направлении стула у кровати. В сиплом хрипящем голосе Брауна было трудно выделить акцент, но в нем определенно слышался выговор уроженца Дублина, который долго жил по ту сторону Атлантики.

Пол подошел и сел, даже не пытаясь дотронуться до Брауна. У него сложилось впечатление, что этот человек не из тех, кому нравится держаться за руки.

– Тебя нормально кормят? – рискнул спросить Пол.

– Ты веришь в рай?

Ну, ясно. Такой, значит, предстоит разговор... Пол не любил эту тему, но по крайней мере она была ему знакома. Он взглянул на висевшую на стене Марию, на ее спокойный наклон головы, словно вопрошавший: «Ну, что ты на это ответишь?»

Пол выбрал универсальный сценарий, одинаково подходящий как для богобоязненных, так и для атеистов:

– Лично я считаю, что есть какая-то загробная жизнь, где мы вновь увидимся со старыми друзьями и...

– Прекрати мне угрожать! – перебил вдруг Браун, впившись в него взглядом.

– Нет, я...

Краткий миг, когда Полу казалось, что он взял разговор в свои руки, улетучился без следа.

– Если есть рай, то должен существовать и ад... – судорожный вдох. – Я знаю, что меня ждет. Пара метров под скалой...

По телу Брауна пробежала дрожь. Слегка дернувшись, он захрипел прямо в маску. Пол собирался уже позвать медсестру, когда легкая перемена в выражении лица Брауна остановила слова, рвавшиеся из горла. Старый рехнувшийся ублюдок хохотал. Правда, довольно быстро смех перешел в приступ мучительного кашля. Сдвинув правой рукой маску чуть в сторону, Браун промокнул рот носовым платком. Пол заметил на платке свежее пятно крови. Быстро отведя взгляд, Пол посмотрел в большие карие глаза Девы Марии. Откуда люди знают, что они были именно карими? В каждой больничной палате, в которой он бывал, на стене обязательно висело изображение Богоматери, и у каждой были именно такие большие щенячьи карие глаза. Упоминаются ли они вообще в Библии? Наверное, сразу после того места, в котором говорится, что Иисус был белым чуваком – как это ни парадоксально для человека, родившегося на Ближнем Востоке.

Причина, по которой Пол так пылко поддерживал зрительный контакт с Матерью нашего Безупречного Всего, заключалась в том, что он боялся крови – как человеческой вообще, так и своей в частности. Обычно это не создавало проблем. Удивительно, как долго можно находиться в современном медицинском учреждении и ни разу не увидеть кровь. Это как масло в автомобиле, созданном на пике технического прогресса: мы видим его лишь тогда, когда с машиной случается что-то действительно плохое.

Промокнув губы платком, Браун провел им по лицу, словно отогнав невидимую муху, и раздраженно посмотрел на Пола. Затем еще раз помахал платком – с чуть большей настойчивостью. Смутившись, Пол понял, что старик пытается указать на стакан с водой, стоявший на прикроватной тумбочке. Взяв стакан, он поднес его к лицу Брауна.

Когда приступ утих, Браун оторвал губы от соломинки, и Пол осторожно поставил стакан обратно. Старик наблюдал за ним оценивающе, слегка наклонив голову.

– Ты в самом деле его копия. А еще в тебе есть что-то от дяди...

Пол не нашелся, что ответить, – главным образом потому, что слова Брауна прозвучали отнюдь не как комплимент.

Браун уставился в потолок отрешенным взглядом, и между ним и Полом повисло неловкое молчание. С изумлением Пол увидел, как по морщинистому, изнуренному болезнью лицу старика скатилась одинокая слезинка.

– Клянусь богом, я не знал... что он... никогда не знал...

Две секунды спустя голос Брауна сделался почти дружелюбным:

– Когда я видел тебя в последний раз, ты был совсем крошкой. – Браун отвернулся, опустив глаза. И без того слабый голос сделался еще тише: – Я не разговаривал со своей дочуркой тридцать лет...

Браун посмотрел на телевизор в углу. Его не интересовала передача, он просто искал, на чем сосредоточиться.

– А ты бы хотел? – рискнул спросить Пол.

Тот взгляд, который бросил на него Браун, не оставлял сомнений, что Пол сболтнул что-то лишнее.

– Она не хочет иметь со мной ничего общего... И она... ничего не знает... – он тяжело вдохнул из маски. – Оставьте ее в покое.

Втянув в себя побольше драгоценного газа, старик загадочно посмотрел на Пола. Печаль, вызов, гнев – лицо Брауна отразило целый коктейль из эмоций, смысла которого Пол не понял. Было ясно лишь одно: продолжать разговор в прежнем духе больше не получится.

– Знаешь, когда доходишь до конца... – Браун помедлил, – ...уже не видишь никаких сюрпризов. Наоборот, блядь, вокруг сплошная предопределенность. Ты же сын Герри, черт возьми. И ты сделаешь все возможное, чтобы стать таким же, осознаешь ты это или нет. Даже если я скажу тебе, что ничего не рассказывал, – ты же не поверишь. Ты же ею воспользуешься... ведь это то, в чем мы мастера. – Он снова пристально посмотрел на Пола, и его голос понизился до шепота: – Ты... очень похож на своего дядю.

Так, пора заканчивать. Кем бы ни считал этот Браун Пола, но явно не тем, кого ему приятно видеть.

– Слушайте, наверное, произошла досадная ошибка, и я, пожалуй...

Пол встал, намереваясь выйти, как вдруг рука Брауна с удивительной быстротой схватила его за запястье.

– Нет... прошу, – голос старика стал слезливым. – Ради старого друга твоего отца...

Пол нерешительно посмотрел на дверь. Может, измученной душе старика требуется успокоительное, чтобы отдохнуть от того, что ее терзает? На определенном этапе жизни он явно был неприятным человеком, но все это осталось в глубоком прошлом. Теперь здесь лежит печальная пустая оболочка, раздавленная тяжестью собственной совести...

Браун опять закашлялся. Он снова поднес к губам левую руку с платком и умоляюще посмотрел на стакан с водой. Пол взял его и сел на краешек кровати.

Пока Пол протягивал воду, старик опустил левую руку и сунул ее под одеяло.

– Спасибо.

Браун взял соломинку в рот и стал медленно пить. Пол уловил краем глаза движение руки старика под простынями, но ему вовсе не хотелось увидеть еще раз этот окровавленный носовой платок. Поэтому он отвел взгляд и посмотрел в глаза Брауну. И лишь только он заглянул в них, как тут же понял, что происходит что-то очень неладное.

Правой рукой Браун резко схватил Пола за горло. Стакан выскользнул из ладони, отскочил от кровати и разбился о кафельный пол. Пальцы Пола инстинктивно вцепились в руку Брауна в попытке оторвать ее от горла. Глаза старика сделались дикими, он оказался невероятно, отчаянно сильным. Сосредоточившись на борьбе, Пол едва заметил мелькнувшую на краю поля зрения левую руку Брауна. Движимый первобытным инстинктом самосохранения, Пол в последний миг извернулся всем телом, отчего рука старика промахнулась мимо его головы, угодив в правое плечо. Пол почувствовал резкую боль, сменившуюся смутным ощущением влаги, растекающейся по руке.

Охваченный смятением и паникой, Пол не мог понять, что происходит. Он попытался встать и оттолкнуть от себя нападавшего, как вдруг левая нога оскользнулась на мокром полу, и он упал. Браун ослабил хватку на горле Пола, но схватил его за воротник рубашки. Падающий Пол утянул старика за собой, и тот рухнул на него сверху. Вслед за этим с грохотом повалились медицинские аппараты, не справившиеся с гравитацией и яростью безумца.

Благословенное ослабление тисков Брауна на горле Пола оказалось недолгим. Тело старика, возможно, было не более чем кожей и костями, но когда оно навалилось сверху, его веса хватило, чтобы выбить воздух из легких Пола.

На мгновение воцарилось странное спокойствие, пока оба мужчины пытались отдышаться. Они мучительно раскрывали рты, как две выброшенные на берег рыбы. Пол слышал неприятный хрип в собственном горле. Щелкающее ощущение сопровождало каждый судорожный вдох.

Браун пришел в себя первым. Он развернулся всем телом, словно в некоем диком варианте игры «Твистер», и приблизил свое лицо к лицу Пола. Окровавленный рот старика оше-

рился, глаза засветились злобным огнем. Пола обдало гнилым дыханием – словно то, что сжирало Брауна изнутри, намеревалось выплеснуться и поглотить их обоих. Пол лежал, не двигаясь. Его разум будто отключился и решил переждать, пока реальность не придет в норму.

– Вы... все... у меня... отняли...

Дыхание обдувало лицо Пола, как зловонный ветер.

Затем Браун подался назад.

Руки Пола остались придавленными. Он задержался, пытаясь высвободиться, когда Браун поднял над головой левую кисть, в которой что-то блеснуло. Рука старика резко опустилась вниз.

Но на полпути она дернулась, и то, что было в ней зажато, вылетело и заскользило по полу. Обернувшись, разъяренный Браун увидел удерживавшую его трубку капельницы. Взыв в животном отчаянии, старик дернул трубку на себя. От усилия он снова повалился на Пола, и они опять оказались лицом к лицу.

Браун издал хриплый безумный смешок, тут же сменившийся рвотным кашлем. Что-то влажное и горячее брызнуло на лицо Пола. Теперь он видел над собой лишь оскаленную пасть, между неровными, пожелтевшими, замогильными зубами которой сочилась кровь.

Потом дверь резко отворилась, раздались крики и топот.

Руки невидимых ангелов подхватили Брауна и потащили прочь. Последнее, что увидел Пол, было мертвенное лицо старика, отодвинувшееся назад. Повернув голову, он заметил, как рубашка на его плече окрашивается в красный цвет, и... потерял сознание.

Дело в том, что он боялся крови – как человеческой вообще, так и своей в частности.

Глава третья

– На самом деле вам удивительно повезло!

Доктор улыбнулся Полу той теплой обезоруживающей улыбкой, которая была бы уместной в большинстве других случаев. Но сейчас Пол с трудом сдержался, чтобы не ударить его по лицу.

– Да ладно! А вот мне показалось, что меня ударили ножом в плечо. Неужели я ошибся?

Пол решил ограничиться сарказмом. Ему вполне хватило одной жестокой стычки, чтобы затевать следующую. Кроме того, доктор производил впечатление искреннего человека, хоть и немного странноватого. Пол, конечно, всякого ожидал от дежурного хирурга в столь поздний час, но профессиональный энтузиазм, исходивший от медика, действовал ему на нервы. Особенно после того, как Пол узнал, что теперь у него семь швов на правом плече. Чтобы рука заживала, ее плотно забинтовали и надежно зафиксировали на перевязи.

Насколько понял Пол, его доставили на скорой из хосписа Святой Килды в отделение неотложной помощи при больнице Святой Екатерины. Судя по туману в голове, где-то на полпути ему, вероятно, дали сильное обезболивающее.

Двадцатисемилетний доктор Синха был родом из Индии. У себя на родине он получил полную лицензию на медицинскую деятельность, став третьим по успеваемости студентом в своей учебной группе. Тогда же он с честью сдал ирландские клинические экзамены и решил переехать сюда насовсем, поскольку решил, что в Ирландии живут очень дружелюбные люди. Английским языком после международной школы он владел лучше, чем кто-либо другой в этом здании.

Причина, по которой Пол все это знал, заключалась в том, что ему пришлось трижды выслушать терпеливые объяснения доктора Синхи пьяному мужу женщины со сломанной ногой, лежавшей в дальнем конце палаты.

Муженек – судя по всему, адвокат – потратил немало времени на попытки найти выход из сложившейся ситуации. Кажется, у них был запланирован лыжный отпуск, «никак не вязавшийся» со сломанной ногой его жены. С безграничным терпением, заменяющим индусам святость, доктор Синха полностью вошел в положение мужа и согласился, что в данном случае не помешает второе экспертное мнение. Теперь муженек сидел у постели жены в ожидании «настоящего доктора» и, вероятно, надеялся, что им окажется какой-нибудь его одноклассник – чтобы после обмена «тайными рукопожатиями» тот понизил диагноз до «легких синяков».

Наблюдая, как ловко доктор Синха общается с этим порождением Сатаны, Пол, естественно, проникся к Синхе симпатией. Однако оценка, которую добрый доктор дал по поводу его диагноза, качнула чашу весов в противоположную сторону.

– Да, повезло! – повторил доктор Синха. – Видите ли, задняя часть плеча – это действительно прекрасное место для удара ножом. Но если нож обойдет сухожилия вращательной манжеты, что я с удовольствием отмечаю в вашем случае, то вероятность необратимого повреждения весьма невелика.

– О... хорошо.

– Очень-очень хорошо. Но если бы сюда попала пуля, это было бы весьма прискорбно. В этой области проходит большая артерия и важные нервы, контролирующие руку, не говоря уже о суставе, который не восстановит ни один хирург. Такие новости были бы очень плохими.

– Рад слышать, – ответил Пол. – Может, дадите совет, в какую часть тела лучше всего получать пулю? Чисто ради интереса...

Он еще не понял, что доктор Синха совершенно не воспринимал сарказм.

– Глютеус максимус, очевидно. Ягодичная мышца. Выстрел, колотая рана – если будет выбор, каждый раз подставляйте задницу.

Очевидно, доктору доводилось участвовать в очень вежливых перестрелках.

– Когда я говорю «задница», то имею в виду ягодичы, а не...

– Супер, – перебил Пол. – Кажется, я понял.

Лицо Синхи вытянулось, и Пол вдруг почувствовал себя виноватым, словно только что уронил на пол жизнерадостного щенка.

– Простите, – сказал доктор Синха без прежнего энтузиазма. – У меня есть склонность чрезмерно возбуждаться при обсуждении медицинских вопросов. Это приводит к неподобающему поведению у постели больного.

– Ну, я бы так не сказал...

– А другие говорят, – возразил доктор Синха. – Я цитировал отзыв, полученный мною в конце испытательного срока. Наверное, я слишком люблю свою работу, – добавил он обиженно.

Пол еще раз взглянул в сторону надоедливового муженька.

– Подождите немного. Уверен, скоро все образуется.

– На самом деле я хотел спросить у вас кое-что еще, – доктор Синха открепил медицинскую карту Пола от его кровати. – Я немного запутался. Здесь сказано, что ваш противник... – он сделал паузу, отыскивая нужное место в карте, – кашлял кровью вам в лицо?

– Хм... Да.

Желудок Пола скрутило при воспоминании о безумном, похожем на посмертную маску лице Брауна, смотревшем на него сверху.

– Он был ранен?

– Нет! – Пола даже слегка обидел вопрос. – Я не... – пробормотал он. – Я просто защищался.

– Хорошо, я понимаю.

По выражению лица доктора Синхи было ясно, что ничего он не понимал.

– Кажется, у него терминальная стадия рака легких, – припомнил Пол.

– И он ударил вас ножом в плечо?

– Да.

– Но почему он...

Теперь доктор Синха стал раздражать Пола по-настоящему.

– Спросите у него сами!

– Оу... кей, – протянул Синха. – Просто здесь сказано, что он... умер.

– О...

– Здесь сказано, что у него случился обширный инфаркт.

Пол не знал, как отнестись к услышанному. Честно говоря, он вообще не хотел об этом думать. Он еще недостаточно попереживал о себе, чтобы как-то реагировать на эту новую для него информацию.

Доктор Синха смотрел на него странным взглядом беспризорной лани, склонив голову набок, словно Дева Мария. Должно быть, он воспринимал это как возможность потренировать врачебный этикет.

– Наверное, он умер после...

– Да, потому что «до» и «во время» он определенно был жив!

– Вы хорошо его знали?

– Нет, – ответил Пол. – Я его вообще не знал.

Лицо доктора Синхи просветлело.

– О, тогда все не так уж плохо, да?

– В смысле?

– Я хочу сказать, что лучше, если вас пытался убить незнакомец, а не тот, кого вы хорошо знаете.

– Наверное...

Какая интересная точка зрения...

– Кстати, есть еще одна хорошая новость: из хосписа Святой Килды прислали копию последнего анализа крови мистера Брауна и, насколько можно судить, он не носил в себе ничего заразного. Ни СПИДа, ни гепатита, ни эболы, ни...

– Восхитительно!

– Так что вы в полном порядке...

– Если забыть про колотую рану.

– Ну да, ха-ха... Простите, – он даже «ха-ха» произнес бесящим Пола тоном, – только что мы с вами получили довольно тяжелую информацию, а теперь смотри-ка – мы шутим! Это очень-очень хорошо. – Доктор снова улыбнулся Полу. – И это подводит нас к следующему вопросу, который мы должны обсудить. Похоже, возникла проблема с контактными данными, которые вы оставили медсестре во время госпитализации.

– Неужели?

– Такое постоянно случается. Люди находятся в стрессе и...

– Меня ударили ножом.

– Вас ударили ножом. Мы позвонили по номеру, который вы продиктовали, и, судя по всему, нам ответил китайский ресторан под названием «Восточный Дворец» с едой навынос.

– Там не только еда навынос. Недавно они расширились, и теперь у них имеется прекрасная обеденная зона с уютной атмосферой.

Миссис Ву наверняка этим гордилась, поскольку уже три месяца подряд отвечала на телефонные звонки одной и той же фразой: «Здравствуйтесь! “Восточный Дворец” теперь включает в себя обеденную зону с уютной атмосферой!» Вряд ли она понимала, что такое «атмосфера», но кто-то наверняка подсказал ей, что так чертовски проще продавать.

– Я уже знаю, – кивнул доктор Синха. – Значит, у вас имеется родственник, работающий в «Восточном Дворце»?

– Ну, не совсем родственник... – вернее, совсем не родственник. – Скажем так: Микки.

– Окей. Микки... А фамилия?

Пол боялся этого вопроса. Ну в самом деле, кто знает фамилию своего постоянного доставщика еды? Конечно, иногда Микки угощался его сигаретами или пугающе дешевым восточноевропейским пивом по ленивым вторникам. Однажды он даже остался досматривать DVD с «Роксаной», но вопрос о фамилии показался Полу слишком личным. А еще Микки сказал, что его ужасно раздражает, когда его принимают за китайца, потому что он не китаец. К сожалению, Пол забыл, откуда он родом, так что происхождение Микки стало еще одной запретной темой.

– Просто Микки.

– Значит, у вас нет родственников, которым мы могли бы о вас сообщить?

– Нет. Ни одного.

Доктор Синха явно ощутил неловкость.

– Что ж, как человек из очень большой семьи, могу сказать, что я вам завидую. Половина моей зарплаты уходит на поздравительные открытки.

– Должно быть, это тяжело.

– Не то слово! – Доктор Синха явно увлекся новой темой. – Семь братьев и сестер, двадцать шесть племянников и племянниц – и это только те, которых я видел. Бац – еще один ребенок. Бац-бац – двойня! Они не умеют останавливаться.

– Ничего себе...

– Значит, я просто напишу здесь: «семьи у пациента нет»?

– Ага.

– А как насчет партнера?

– Нету.

– Окей. Хорошо. Значит, вы совершенно одиноки? – спросил доктор Синха. – Ну, не считая этого Микки?

– Да.

– Превосходно.

– Вы определенно убедили меня, что это так.

Доктор Синха пролистал страницы в блокноте.

– Что ж, думаю, на этом все. Если, конечно, у вас нет ко мне вопросов...

– Нет, – ответил Пол.

Громкий требовательный кашель муженька эхом разнесся по палате. Его «настоящий доктор с другим мнением» так и не появился.

– Абсолютно никаких вопросов? – спросил доктор Синха с некоторой мольбой в глазах.

Пол почувствовал себя обязанным спросить хоть что-нибудь.

– Когда меня отсюда выпишут?

Он вдруг осознал, что действительно хочет знать ответ на этот вопрос. Кажется, Пол начал испытывать сильную неприязнь к больницам.

– Завтра мы осмотрим вас еще раз, и если все будет в порядке, то вы покинете больницу через пару дней, – доктор Синха помедлил. – Но... вы хотите поговорить с Гарди³...

Слово «гарди» он сказал осторожно, «гар-ди» – как человек, не вполне уверенный в его правильном произношении⁴.

– Вообще-то не очень, – ответил Пол.

Ну какой в этом смысл? Да, его ударили ножом, но человек, который это сделал, уже не доступен для полиции – по крайней мере, без применения спиритической доски.

Доктор Синха смутился.

– Простите. Возможно, я что-то напутал. Английский – мой второй язык. Гарди хотят поговорить с вами.

Пол ощутил легкую тошноту. Переживания по поводу ножевого ранения отвлекли его от общей картины. Он вошел в палату, и через пять минут пациент умер – после физического столкновения, в ходе которого вышеупомянутый мертвец ощутил острое желание ударить Пола ножом. Понятно, со стороны это выглядело очень странно. В самом деле, чем больше Пол думал об этой ситуации, тем сложнее ему становилось разглядеть в ней хоть что-то позитивное. Любые проблемы с полицией станут прямым нарушением второго условия. Она очень ясно дала это понять.

Бросив взгляд из палаты, Пол заметил мелькнувшую в конце коридора куртку со светоотражающими вставками.

– Там полицейский? – спросил он.

– Да, – ответил доктор Синха. – И между прочим, я, как и весь персонал, очень доволен его присутствием. Чуть раньше он любезно помог нам успокоить человека, принявшего слишком много метамфетамина.

Пол провел пальцами по волосам, задержав руку на затылке, как делал всегда, когда испытывал стресс.

– Господи, это очень-очень-очень плохо.

Доктор Синха ободряюще похлопал Пола по руке.

– Не волнуйтесь, мистер Малкроун. Я уверен, что все будет нормально.

³ Одно из общепринятых названий полиции Ирландии.

⁴ В оригинале это слово пишется Gardaí.

– Ага, – ответил Пол. – Ведь до этого все шло именно так...

Глава четвертая

Пол точно знал, где его нет.

В настоящий момент его не было в офисе адвокатской конторы «Гриви и Ко», хотя сам Шейн Гриви сидел напротив за столом и читал большую книгу в кожаном переплете. Гриви, как всегда, выглядел лет на сорок. Он был лысоват, худоват, с вечно дежурной, но далеко не счастливой улыбкой. Он скалился так, как скалятся работники «на минималке» в рекламных поролоновых костюмах, исполняющие волю вышестоящего начальства. Вообще-то, если подумать, это была не адвокатская контора «Гриви и Ко». Пол отметил, что подсознание каким-то образом облагородило обстановку, наполнив офис мебелью из красного дерева с мягкой кожей, и даже поставило в угол внушительные напольные часы. В реальности контора представляла собой пару убогих комнатенок в Филсборо⁵ – прямо над магазином диванов, недавно закрывшимся после трехлетней распродажи.

Этот сон был одним из двух, которые Пол всегда помнил, и оба этих сна повторялись часто. Правда, конкретно этот ему нравился больше. Конечно, странно было осознавать, что он спит, причем с полным ощущением, что все это происходит на самом деле. Но понимание не означало, что он мог проснуться. Казалось, у него не было иного выбора, кроме как сидеть здесь почти каждую ночь и видеть это снова и снова.

Гриви оторвал взгляд от книги в кожаном переплете и многозначительно кашлянул, явно недовольный тем, что ему не уделили должного внимания. Книга была еще одним подкинутым подсознанием предметом. Настоящее завещание Фиделмы состояло лишь из нескольких стандартных листов формата А4.

Гриви продолжил чтение:

– «...мою собственность любой природы и вида, где бы она ни находилась, включая дом в Ричмонд-Гарденс, мои накопительные счета и пакеты акций я завещаю Донегольскому ослиному заповеднику».

В этот момент осел, сидевший за правым плечом Гриви, как обычно, зловеще зарычал. Пол не знал, умеют ли настоящие ослы рычать, но будь он проклят, если станет проверять свои кошмары на правдоподобие!

– «Тем не менее до того, как вышеуказанное дарение вступит в силу, я предусматриваю следующее материальное обеспечение для моего внучатого племянника Пола Малкроуна...»

Пол, как всегда, посмотрел на свою двоюродную бабушку Фиделму, сидевшую верхом на осле. Что бы ни говорил или делал Пол, она только молчала. На ее лице было одно и то же неодобрительное выражение: «Откуда так воняет?» В реальной жизни она ни разу не говорила с ним напрямую. Впервые Пол увидел ее в шестилетнем возрасте, когда тревожно вертелся позади матери, занятый невероятно важным поручением – присматривать за большим синим чемоданом. Фиделма вначале спорила с его мамой, а потом хлопнула перед ними дверью. Пол ничего не понял. Он стал жаловаться и хныкать от холода, пока не заплакала уже мать...

В следующий раз (и он же последний) Пол встретился с Фиделмой через неделю после того, как ему исполнилось двенадцать лет. День рождения состоялся накануне похорон мамы, поэтому никто о нем не вспомнил. На стене комнаты, в которую его привели, было нарисовано большое дерево. Пол смотрел на него, пока Фиделма читала проповедь о распутном поведении «юнцов» двум сконфуженным и оттого мрачающим на глазах социальным работникам. А потом она вышла, проигнорировав, как обычно, Пола. Открыв дверь, мужчина из социальной службы выкрикнул вслед Фиделме грубое слово, и после этого Пол больше его не встречал.

⁵ Филсборо – один из городских районов Дублина.

– «...Он получит в пользование мой дом в Ричмонд-Гарденс, а также ежемесячное пособие в размере пятисот евро. Подчеркиваю, что это временная мера на период поиска им подходящей работы, что, безусловно, является проблемой, учитывая плачевный старт его жизни».

Вот они, четыре слова, определившие дальнейшую судьбу: «плачевный старт его жизни». Эти четыре слова так взбесили Пола, что он решил сломать ей систему. Вместо того чтобы искать работу, он будет вечно жить на пятьсот евро в месяц. И пошла она на хуй! Вместе со своими ослами.

– «...Обеспечение будет предоставлено при соблюдении следующих условий. Первое: он не должен получать никакой другой материальной помощи ни от государства, ни от благотворительных организаций, ни из любого другого источника. Второе: обеспечение будет немедленно отменено, если у него возникнут какие-либо проблемы с полицией».

В этот момент заулюлюкал и запрыгал на стуле еще один обитатель сна, вдруг возникший за правым плечом Гриви. Это был Мартин Браун – по-прежнему в больничной одежде и с кровью, капающей из открытого воющего рта. По неизвестной Полу причине он стучал пальцами по старой печатной машинке, словно делая некие заметки. Его присутствие стало новым и довольно неприятным дополнением. Пол старался не отводить взгляда от осла, поскольку даже во сне от вида крови у него сводило живот. Недовольный тем, что его игнорируют, Браун вскочил со стула и обежал вокруг стола, сгорбившись, как шимпанзе. Он исчез из поля зрения, но костлявые руки обхватили шею Пола. Пол стал отрывать руки от себя, но старик был невероятно силен. Гриви продолжил чтение:

– «...Третье: чтобы развить свои моральные качества, он должен не менее шести часов в неделю заниматься благотворительностью, документально удостоверяя в этом мистера Гриви».

Пол закричал, ощутив вонзившиеся в его правое плечо зубы Брауна. Он стал дергаться, пытаясь высвободиться, а Гриви меж тем продолжал бубнить. Руки Брауна принялись стаскивать его со стула. Пол посмотрел на вечно недовольное лицо Фиделмы.

Чья-то рука легко затрясла его за левое плечо, и он услышал другой голос – более мягкий и далекий.

– Пол? Пол? С тобой все в порядке?

Пол оглянулся и увидел над собой Бриджит Конрой, глядевшую на него с обеспокоенным выражением лица. Это тоже было нечто новенькое.

А потом давление костлявых рук усилилось, и он закричал.

Задыхающийся Пол вздрогнул и проснулся, немедленно увидев над собой участливое лицо Бриджит.

Флуоресцентный свет и запах антисептика. Накрахмаленные простыни, слишком туго натянутые и стеснявшие тело. Он понял, где находится. В больнице. Пол опустил голову на подушку, слушая в ушах стук собственного сердца. Теперь, когда ответ на вопрос «Где?» получен, за ним последовали вопросы «Кто?», «Когда?» и в особенности «Почему?». Пол несколько раз глубоко вдохнул.

– Как себя чувствуешь? – спросила Бриджит.

Придя в себя, Пол вдруг вспомнил, какое чувство должен испытывать к Бриджит, а именно – чувство негодования.

– Супер. Спасибо, что спросила, – ответил он.

– Я очень извиняюсь... – произнесла она.

– За что? За то, что меня чуть не зарезали? Да ладно, не бери в голову. У меня все равно не было других планов на вечер. К тому же мне дали кучу бесплатных наркотиков, так что я еще и в плюсе.

Она попыталась заговорить, но он не закончил. Пол прокручивал этот разговор в голове несколько раз, так что ему было что сказать. Включив внутренний суфлер с заготовленными репликами, он решительно продолжил:

– А может... ты хочешь извиниться, что пришлось брать дополнительные анализы, чтобы узнать, не содержала ли кровь, которой кашляли мне в лицо, какую-нибудь заразу? Или за то, что теперь я стал подозреваемым в убийстве? – голос Пола стал повышаться вместе с растущим внутри негодованием. – За что именно ты собралась просить прощения?

– Ну... за это все... – голос Бриджит дрогнул, глаза стали наполняться слезами.

– Не смей! – перебил он, укоризненно вытянув палец.

– Что?

– Даже не думай об этом, черт тебя дер!

– О чем?

В голосе Бриджит послышалась легкая нотка раздражения. Она прижала костяшки пальцев к уголку глаза.

– Ты поняла, – ответил Пол. – Не вздумай плакать! Я имею полное право на злость. Не смей его меня лишать!

Бриджит покивала в знак согласия.

– И не поддакивай. И не изображай понимание. Из-за тебя я мог умереть! Так что стой, где стоишь, не плачь и терпи трепку языком, которую ты, черт возьми, заслужила!

Он никогда в жизни не произносил ничего подобного. И теперь, когда нелепая фраза сорвалась с губ Пола, маленький внутренний редактор, сидевший в глубине его мозга, оторвался от газеты и усмехнулся. Откуда, черт возьми, это взялось?

Бриджит, вытиравшая слезу уголком салфетки с левого глаза, приподняла правую бровь, словно в легком удивлении от странного выбора слов. Почему-то он разозлился еще больше.

– И не смей... НЕ СМЕЙ смеяться над моими словами!

Бриджит энергично помотала головой, стараясь подавить непрошеную нервную улыбку.

– Прекрати! Прекрати немедленно!

Теперь голос Пола стал почти умоляющим. Он чувствовал, что разговор все дальше и дальше отклоняется от намеченного им курса.

С губ Бриджит сорвался смешок. Она зажала рот левой рукой и приподняла правую в извиняющемся жесте.

– Не будь такой инфантильной!

Бриджит закивала, зажмурив глаза. Из уголков ее глаз потекли слезы совсем другого рода.

Глубоко вдохнув через нос, Бриджит убрала руку ото рта.

– Прости, прости... – сказала она. – Сегодня была долгая ночь, и я... Окей, все, я успокоилась. Можешь продолжать.

Она выдохнула, размяла шею и поболтала руками, словно расслабив тело для прыжка в длину.

– Ну ладно... – сказал Пол. – На чем я остановился?

– Ты хотел наказать меня языком.

Она рухнула в кресло позади себя и уткнулась лицом в матрас у его ног, когда ее тело охватили судороги неконтролируемого смеха.

– Не...

Да и черт с ней! Невольно Пол рассмеялся тоже. Бриджит посмотрела на него, и когда глаза их встретились, смех усилился многократно. Вся серьезность ситуации вылилась в волну истерики, понятной лишь тому, кого затащило в ее водоворот. Бриджит пробрало настолько, что она уже хваталась за грудь, не в силах дышать.

Занавеска у изножья кровати сдвинулась в сторону, и в бокс просунулась голова доктора Синхи. На губах его бродила та неуверенная улыбка, с какой люди, слишком поздно присоединившиеся к веселью других, пытаются понять, что происходит.

– Все в порядке, мистер Малкроун? – спросил он.

– Да, спасибо, доктор, – проговорил Пол сквозь смех. – Это сестра Конрой... Из-за нее меня чуть не зарезали.

Бриджит, будучи не в силах вымолвить ни слова, весело помахала Синхе рукой.

Сбитый с толку коллективным безумием доктор переводил взгляд с одной на другого.

– Окей... ладно. Рад, что вам полегчало, – сказал он. – Но не могли бы вы немножечко потише? Вы мешаете другим пациентам.

Пол поднял обе руки, извиняясь. Внезапная боль в правом плече помогла осушить неконтролируемый прилив смеха до тоненького ручейка.

Бриджит тем временем прижала ладони к лицу, превратив хохот в свистящее прерывистое дыхание.

– Отлично, спасибо, – сказал доктор Синха, затем слегка покачал головой и исчез, не забыв задернуть за собой занавеску.

Наконец оба успокоились, и глаза Пола встретились с глазами Бриджит.

– Мне действительно очень жаль. Прости, – сказала она.

– За что?

– За все, – она помедлила. – Особенно за удар ножом.

– Прекрасно. Что ж, я уже думаю о разных способах, которыми ты можешь загладить передо мной вину. Предлагаю для начала подвезти меня домой, как ты обещала.

Глава пятая

Пол крепко зажмурился и стал молиться. Он никогда не отличался религиозностью, но бывают в жизни минуты, способные из любого сделать верующего.

Пол смутно сознавал, что Бриджит рассказывает ему о произошедшем в хосписе – с момента более чем недружелюбного прощания с мистером Брауном и до того, как он застал ее возле своей больничной койки. По-видимому, смерть пациента от сердечного приступа в разгар покушения на убийство вызывает настоящее бумажное цунами. Однако у Пола не получалось сосредоточиться на ее повествовании, поскольку он был всецело поглощен мыслями о собственной жизни. В частности, о том, что стиль вождения Бриджит почти наверняка приведет его к преждевременной кончине.

– ...А потом Добсон, старая гримза...

Позади них истерически взвизгнул автомобильный клаксон.

– Задолбали! – воскликнула Бриджит. – Водители в Дублине только и делают, что сигналят.

Это было уже слишком.

– Ничего подобного, – возразил Пол, – если только ты не ведешь машину как маньячка.

Бриджит повернулась и бросила на него негодующий взгляд.

– Он выскочил из ниоткуда!

– У него было преимущество! – Пол яростно замахал левой, неперевязанной рукой. – Видишь вон те огни? Так вот, зеленые и красные... особенно красные... очень важны! В тех местах, откуда ты родом, ничего не знают о светофорах?

– На светофоре горел желтый! – возмутилась Бриджит, посмотрев на него испепеляющим взглядом. – И кстати, водить я училась в Дублине, умник сраный!

Раздался еще один гудок.

– Этот гудел не мне.

– Ну конечно, – ответил Пол, – но давай все-таки держаться левой стороны дороги⁶.

Его реплика лишь подлила масла в огонь негодования, который, казалось, постоянно кипел в сестре Конрой.

– Это – типично мужское шовинистическое отношение к женщинам-водителям! Как это характерно...

– Да что ты! – саркастически перебил Пол. – В мире полно прекрасных женщин-водителей, но ни одна из них... не сидит в этой машине!

Наступало уныло-мрачное утро пятницы, которое особенно хорошо удастся Дублину. Небо цвета мокрой газеты непрерывно сочилось влагой, превращая все вокруг в серую копию себя. На лица проходивших мимо мелких служащих были надеты стоические маски людей, упорно шагавших к «обетованной земле» выходных. Шел тот мелкий мгlistый дождик, при котором даже наличие зонта не гарантирует прибытия в сухом виде – при условии, конечно, если вас не собьет по дороге безумный водитель...

– Кстати, за нами должен был ехать полицейский, если вдруг ты забыла, – напомнил Пол.

Бриджит была не в восторге от того, что Пол настоял на выписке из больницы, но по-настоящему трагично эту новость воспринял юный гард⁷ Данахер, которому поручили «охранять» Пола. Озадаченный Пол пытался выяснить, от кого именно его понадобилось «охранять», учитывая, что единственный человек, выказавший серьезное намерение причинить ему вред, уже умер (правда, в тот момент Пол еще не знал, как водит Бриджит, иначе бы счи-

⁶ В Ирландии левостороннее движение. *Прим. ред.*

⁷ Одно из наименований ирландских полицейских.

тал по-другому). Кто-то однажды сказал, что старость приходит, когда полицейские начинают казаться молодыми, но, по мнению Пола, гард Данахер выглядел молодо в глазах кого угодно. Он был похож на подростка, стащившего форму у отца, чтобы поиграть в переодевание, но от которого исходил устойчивый запах «Клерасила» и ужаса. Пол решил, что Данахер был из тех, кто все детство мечтал приобрести властный вид, а потом разочаровался, узнав, что авторитет не прилагается к форме автоматически.

Полицейский захотел выяснить, не попадал ли Пол когда-нибудь под арест, после чего Бриджит пустилась в разглагольствования о «Законах Миранды»⁸. Слушая ее, Пол стал подозревать, что знания о полиции она почерпнула в основном из американских сериалов. Но офицера Данахера, судя по всему, чрезвычайно напугал разговор с представителем обществуности, обладавшим не столько глубокими юридическими познаниями, сколько женской грудью. Бедняга не знал, куда девать глаза, поскольку взгляд неизменно возвращался к одному и тому же. Сжалившись, Пол написал полицейскому свой адрес, пояснив, что если ему так хочется, то он может последовать за ними и начать «охранять» Пола по месту жительства. Офицер Данахер благодарно кивнул и пошел звонить маме, чтобы узнать, как у нее дела.

Бриджит полностью развернулась на сиденье (вероятно, включив в голове автопилот, которым ее машина явно не обладала) и посмотрела назад.

– Я не вижу патрульной машины.

Пол решил, что офицер Данахер, должно быть, остановился, чтобы разобраться с одной из трех автомобильных аварий, которые наверняка произошли по вине Бриджит после того, как они отъехали от больницы. Что характерно, доктор Синха нисколько не огорчился выписке Пола, подписавшего официальный отказ от медицинской помощи. Бриджит принесла пальто, брошенное в комнате для персонала хосписа Святой Килды, но пиджак и рубашку Пол надевать не стал, чтобы не испачкать одежду кровью. Вместо этого доктор Синха вручил ему кем-то оставленную (наверное, после благотворительного забега) и прочно забытую футболку. Пол внимательно смотрел на Синху, но так и не смог уловить ни малейшего намека на сарказм в глазах доктора, когда тот протягивал ему желтую футболку с гордым лозунгом «Я победил рак».

Бриджит лихо завернула за угол на третьей передаче, и случайный пешеход едва не пополнил собой статистику несчастных случаев. После очередной серии гудков, пары красноречивых жестов и откровенного наплевательства на идею одностороннего движения они добрались наконец до района Ричмонд-Гарденс, в котором располагался дом Пола.

Лет пять назад Ричмонд-Гарденс с окрестностями считался перспективным для проживания местом, чей потенциал должен был раскрыться в будущем. Но потом он ударился о стену, отделявшую рабочие гетто от рая для среднего класса, и рухнул обратно на землю. Деликатесная лавка вновь превратилась в магазин готовой еды, а «винный бутик» – в алкомаркет, торгующий дешевым «шмурдяком».

⁸ «Правило Миранды» (а не «Законы») – юридическое требование в США, согласно которому задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах прямо во время задержания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.